

УДК 341.9.01

**РЕШЕНИЕ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕМПОРАЛЬНОСТИ
НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ****В.О. ПАВЛОВСКИЙ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

На основе общенаучных методов, приемов правового моделирования сделана попытка установить взаимодействие наиболее значимых факторов правоотношений, осложненных иностранным элементом во временной плоскости. Проведен анализ наиболее существенных презумпций в отношениях с иностранным элементом в пространственно-временной модели правоотношения в англосаксонской и романно-германской правовых культурах.

*Учет факторов, зависящих от времени, в международном частном праве подразумевает особую модель анализа правоотношения, позволяющую отыскать локализирующийся фактор в пространственно-временной плоскости с учетом наиболее существенного фактора в группе элементов правоотношений, вытекающих из трансграничных отношений. Для этого автор использует эпистемологическую категорию валидности и релевантности. Валидность – это относимость, релевантность – это значимость конкретных элементов (или группы) условий для анализа фактологического состава правоотношения при использовании гибких подходов определения применимого права при отсутствии соглашения сторон спора о выборе права. Автором предложены изменения в нормативном поле Республики Беларусь, с имманентным повышением методологической роли принципа наиболее тесной связи при разрешении мобильного конфликта и реализации условий привязки *lex rei sitae*. Сделанные в работе выводы могут послужить дальнейшей платформой для исследователей международного частного права в сфере коллизионного регулирования Республики Беларусь.*

Ключевые слова: *гибкое регулирование, принцип ближайшей связи, ретроактивность, существенные интересы законодателя, общественный интерес, актуальность, темпоральность, критерий ближайшей связи, факторы правоотношений, элементы правоотношений.*

Введение. Международное частное право ставит вопрос: какая из множества законодательных систем является применимой в конкретном трансграничном правоотношении? В данном случае традиционный пространственный вопрос тесно коррелирует с «временным». Возможно, он может показаться ложным, однако, если учесть тот факт, что правоприменитель рассматривает дело на дату, к которой у сторон возникли определенные претензии, роль, наличие, содержание некоторых факторов в международном частном праве может кардинально измениться. На современном этапе развития частного права условия гибкого коллизионного регулирования требуют анализа проблемы интемпоральности в механизме реализации принципа наиболее тесной связи.

Традиционно ослабление степени лексфоризма положительно отражается на правовом регулировании, происходят изменения, влияющие на *lex causa*. Например, если в объективной правовой реальности меняется взгляд законодателя на понятие движимого и недвижимого имущества, возникает вопрос: какие нормы процессуального характера следует применить к правоотношению, которое возникло до изменений в законодательстве¹? Безусловно, суд следует принципу – *forum regit processum*, однако это не значит, что суд рассмотрит дело ретроспективно по отношению к понятиям движимости и недвижимости, и, хотя категория «*rei situs*» является самой статичной в международном частном праве, такие проблемы могут возникать на стыке двух правовых систем – романской и англосаксонской. В них изменение локального гражданского законодательства может повлиять на анализ всех факторов правоотношения, прямо зависящих от времени и пространства. Следует подчеркнуть, что категория «*lex rei sitae*» является анахронизмом коллизионного права и полностью подчинена критерию территориальности, который лишь некоторым образом связан с существом правоотношения [1, р. 109].

Основная часть. Принцип «*lex rei sitae*» получил широкое закрепление, в праве различных законодательных систем, отражен в ст. 27 Гражданского кодекса Греции² от 15 марта 1940 г., ст.43 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению 1896 г., § 1 ст. 87 Закона Бельгии³ от 16 июля 2004 г. «О кодексе международного частного права» [2; 8], п. 1 ст. 10 Гражданского Кодекса Испании – от 24 июля 1889 г.

¹ На этот счет существует законодательный плюрализм, например закон 1993 г. № 94 Нового Южного Уэльса о выборе права применительно к срокам исковой давности, ст.12 п.б,с отмечено, что завещательный документ суду следует рассматривать на момент смерти завещателя, с учетом положений законодательства действующего в тот момент времени.

² http://ec.europa.eu/civiljustice/applicable_law/applicable_law_gre_en.htm.

³ http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi_loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&table_name=loi&cn=200407161.

(в ред. от 02 июля 2013 г.) [3, р. 69 108; 4], §38 Закона о применении права к транснациональным гражданским делам Республики Китай на Тайване от 26 мая 2010 г. [5, с. 316-342; 6], ст. 46 Гражданского кодекса Кабо-Верде от 30 сентября 1997 г. [7], ст. 17 ГК Алжира [8], ст. 1119 ГК Республики Беларусь [15] и т. д.

Основной характеристикой при анализе привязки «*lex rei sitae*» является условие территориальности. Простота в определении физического места нахождения имущества в пространстве способствует быстрому определению применимого права. Недвижимое имущество, в силу природных причин обусловленных их физическим состоянием, не может изменить своего места нахождения, за исключением некоторых объектов⁴, которым присвоен статус недвижимости в силу юридической фикции. Тем не менее, большинство предметов недвижимости отражают свое статичное положение [10]. Например, в ст. 1119 ГК Республики Беларусь [9], отмечены сформулированные в общем виде особенности коллизионного принципа *lex rei sitae*, «право собственности и другие вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится. Принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам, а также иная юридическая квалификация имущества определяются по праву страны, где это имущество находится»⁵. Следует отметить, что согласно праву страны места нахождения имущества, регламентируются вопросы, связанные с установлением перечня имущества, которое может быть предметом права собственности и других вещных прав, согласно нормам законодательства конкретного государства, установление содержания вещных прав на имущество в этом государстве. Такой подход отмечен в ст. 17 ГК Алжира [8], ст. 29 ГК Йемена, п. 1 ст. 43 ГГУ Германии, ст. 26 ГК Пуэрто-Рико, §17 закона о конфликте законов Тайланда 1938 г. [11], ст. 21 Закона о МЧП Турции, п. 1 ст. 46 Кабо-Верде [7] и т. д.

Привязка *lex rei sitae* в регулировании вопросов, касающихся возникновения и прекращения права собственности на имущество, применяется вместе с указанием на конкретный временной промежуток, в рамках которого возникает или прекращается право собственности и иные вещные права. Это подтверждает п. 1 ст. 1120 ГК Республики Беларусь, согласно которому возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество не по сделке определяется по праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для возникновения, либо прекращения, права собственности и иных вещных прав. Пункт 2 ст. 1120 ГК РБ, регламентирующий возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав, в последнем абзаце содержит положение о том, что «возникновение права собственности и иных вещных прав на имущество вследствие приобретательской давности определяется правом страны, где имущество находилось в момент окончания срока приобретательской давности» [9]. В данном случае мы видим, что законодатель отметил роль интемпорального фактора, однако здесь временные промежутки очень просто выявить. Вместе с тем особую озабоченность вызывают другие аспекты категории «*situs*». Проблемными местами «*lex rei sitae*» с позиции интемпоральных факторов, имеющих значение для установления тесной связи объекта с определенной юрисдикцией, является существование мобильных конфликтов. Мобильный конфликт заключается в том, что для решения вопроса о применимом статуте к движимой вещи, изменявшей свое местонахождение в процессе исполнения, (например, договора купли-продажи), следует установить местонахождение вещи в конкретный промежуток времени и применить нормы соответствующей юрисдикции в каждый момент времени, согласно местонахождению вещи. В такой ситуации возникает конкуренция правопорядков в части их применения в качестве вещного статута (депесаж юрисдикций). Конфликт проявляется, когда юридический состав правоотношения для перехода права собственности, в юрисдикции которой находилась вещь, отличается от состава юрисдикции, в котором оказалась позднее. Такое различие обусловлено нормами права, определяющими разные варианты перехода права собственности. Соответственно и факторы наиболее тесной связи в таком правоотношении будут иметь различную релевантность (значимость) и валидность (относимость к составу правоотношения) для правоприменителя при установлении наиболее тесного права, если это будет необходимо [12]. Мы полагаем, что наиболее релевантный фактор в данном случае выступает как «решающее условие», то есть наиболее весомый аспект правоотношения указывает, как правило, на применимое право, ведь, безусловно, каждый элемент правоотношения является выражением связи с правовой системой и выступает в качестве «отправной точки» [13, р. 38] поиска релевантного и валидного свойства конкретного фактора (например, для вещных прав такой отправной точкой является «местонахождение вещи»). Однако в целом, для точного правоустановления юридических фактов каждая коллизионная привязка может служить «отправной точкой» в поиске применимого права на основе принципа наиболее тесной связи.

В продолжение дискуссии рассмотрим гипотетическую ситуацию.

⁴ В законодательстве Бельгии, воздушные, морские суда, космические объекты являются – движимым имуществом. См. Подр: Mauri G., Iterbeek B. van. The Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment and its Protocol on Matters Specific to Aircraft Equipment: a Belgian Perspective // Uniform Law Review. 2004. Vol. 9. P. 549

⁵ Следует отметить, что такие формулировки носят достаточно распространенный характер в кодификациях МЧП.

Представим, что движимая вещь перемещается из страны с англосаксонской системой права в страну с континентальной системой права с присущими ей особенностями законодательства, в котором момент перехода права собственности определен моментом передачи вещи. Вместе с тем, факт передачи вещи грузоперевозчику не является достаточным юридическим фактом для изменения титула собственности в романской системе⁶. В таком случае владелец даже после передачи будет считаться собственником определенной вещи, но если вещь в последствии попадет в другую юрисдикцию, в которой рассматривают сдачу товара перевозчику как юридически факт, необходимый для признания перехода права собственности состоявшимся, возникает несколько актуальных вопросов: подлежат ли учету согласно новому статуту юридические факты, накопившиеся ранее? Можно ли считать, что переход права собственности состоялся? Решение этих вопросов будет зависеть от норм нового вещного статута и *lex fori* [14]. Например, в §38 Закона Тайваня отмечено, что вещное право регулируется правом местонахождения вещи в момент завершения факта, который является основанием изменения [15], п. §31. (1) Закона Австрии о МЧП [16], имеет схожую формулировку, приобретение и утрата вещных прав на материальные вещи, включая владение, определяются согласно праву того государства, в котором вещи находятся при завершении фактического обстоятельства, лежащего в основе приобретения или утраты. Такие формулировки добавляют количество вопросов: как выявить «факт»⁷ основания и изменения вещного права, и какой это факт из перечня всего состава трансграничного правоотношения по характеристике? Мы не касаемся в работе всех аспектов взаимодействия правовых систем в области вещного права, тогда как в приведенных примерах уже нашли несколько достаточно спорных для трактовки правоприменителем дефиниций частного права относительно аспектов возникновения и изменения вещного статута.

Данные рассуждения приводят к мысли о том, что кумуляция на протяжении длительного периода юридических фактов в определенных юрисдикциях в процессе перехода права собственности и последующего определения применимого права требует анализа интемпоральных факторов правоотношения, однако такое положение вещей дезавуирует одну из самых статичных и территориальных привязок. Как следует реагировать правоприменителю и сторонам правоотношения, сохранив при этом достаточную предсказуемость и ожидания сторон? В иностранной литературе есть мнение, что можно избегать таких ситуаций, например в Англии выделяют презумпцию – право места передачи вещи (*the proper law of the transfer*) [17, p. 98], вдобавок альтернативными привязками, с которыми передача наиболее тесно связана, (*lex loci expeditionis*) [18, p. 12] и право места назначения (*lex loci destinations*) [19, p. 319]. Достигается максимально справедливый результат, однако это не говорит о том, что проблема времени в международном частном праве не должна учитываться при анализе состава правоотношения. Некоторые нормативно-правовые акты применительно к «*res in transit*» (груз в пути) относительно движимого имущества в пути по аспектам приобретения, возникновения, прекращения и изменения вещных прав регулируются правом по месту назначения вещи. Так в §41 Закона о применении права к транснациональным гражданским делам Республики Китай на Тайване [20] отмечено, что право на движимое имущество может регламентироваться законодательством государства, где находилась имущество в момент вступления в право владения. Схожая по смысловому содержанию норма имеет место в ст. 27 ГК Пуэрто-Рико. Это подтверждает тезис о том, что при установлении вещного права можно использовать презумпции, выраженные критерием наиболее тесной связи с определенным релевантным и валидным фактором, возникающим в конкретный период времени развития тела правоотношения. Вместе с тем, сам факт передачи вещи, на наш взгляд, не является релевантным условием, здесь скорее решается вопрос о качественном исполнении сделки контрагентом – вторичный фактор, в то время как переходный фактор сделки, лежащий в основе оферты и акцепта, уже окончен (намерения сторон). Релевантным фактором можно считать место нахождения вещи, что и подразумевает *lex rei sitae*. Как говорит У. К. Уолтер, «последующие изменения условий к какому-либо правопорядку, являющиеся важными для коллизионной привязки, не оказывают на уже законченные фактические составы никакого влияния» [21]. По мнению В. Л. Толстых, такие формулировки являются полумерой законодателя [22]. Вместе с тем, такой подход имеет место, например, в ст. 42 Кодекса о МЧП Болгарии [23] «последующее изменение обстоятельств, на основании которых определено применимое право, не имеет обратного действия». Наилучшим решением, на наш взгляд, в данной ситуации будет применение права, установленного на основе принципа наиболее тесной связи без установленной заранее презумпции.

⁶ Ст.43 ГГУ (2) Если вещь, на которую установлены права, попадает в какое-либо другое государство, то эти права не могут осуществляться в противоречии с правопорядком этого государства.

§31. (1) Закона Австрии 1987 г. Приобретение и утрата вещных прав на материальные вещи, включая владение, определяются согласно праву того государства, в котором вещи находятся при завершении фактического обстоятельства, лежащего в основе приобретения или утраты.

⁷ В ст. 46 п. 2 ГК Кабо-Верде отмечено, что во всех вопросах, касающихся возникновения или передачи вещных прав в процессе транзита, они считаются находящимися в стране назначения. На наш взгляд, это один из наиболее осмысленных вариантов, закрепленный в законодательстве о частном праве.

Такой подход имеет место в ст. 29 Кодекса о МЧП Туниса, где отмечено, что «применимый закон определяется сообразно случаю или, исходя из составной части привязки, существующей на момент возникновения юридической ситуации, или в силу таковой, существующей на момент, когда возникают последствия этой юридической ситуации» [24]. Отечественный законодатель не отразил метод разрешения мобильного конфликта при отсутствии соглашения сторон о применимом праве, мы полагаем, что в ситуации возникновения данной проблемы следует применять общую норму, отраженную в п. 3 ст. 1093 ГК РБ [15], при этом подвергнув его модификации и закрепив достаточно универсальную формулировку: «при невозможности определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом» *в конкретный момент времени, помимо этого следует добавить абзац с общей корректирующей оговоркой*⁸. Таким образом, существующие вещные права должны быть оценены после каждого последующего изменения закона в затронутых правоотношениях юрисдикциях. Несомненно, следует применять принцип наиболее тесной связи без учета презумпций, которые пытаются ограничить круг поиска точек тесной связи и мешают выделению наиболее релевантных и валидных элементов правоотношения. Как мы видим, интемпоральные фактологические аспекты не имеют важного значения, вместе с тем их поиски и последующий учет зависят от конкретной юридической ситуации, а значит влияет на итоговый правоприменительный результат.

В деле *Lynch v. Paraguay Provisional Government and Re Aganoor's Trusts*, об управлении личным имуществом умершего по месту жительства за границей суд указал, что применимым правом является право места жительства на момент смерти лица. Суд не должен учитывать изменения иностранного законодательства, которые возникли в период после смерти и до момента судебного разбирательства, несмотря на то, что этому закону иностранное государство придало обратную силу. Выражаясь иным образом, суд учитывает фактическое состояние законодательства на момент возникновения юридических фактов. Однако стоит подчеркнуть двойную практику судов: если у суда есть определенный люфт в виде судебного усмотрения при принятии решения, тогда решение достаточно объективное там, где виден учет факторов правоотношения, если же правоприменительный люфт отсутствует, решение носит механистический характер. В свое время, ученый Я. Бакстер заметил, вся сущность *lex rei sitae* в «исторически накопившихся многократных повторениях поверхностных аргументов учеными и судьями» при вынесении решения, М. Хэнкок считал невероятным заблуждением положение о том, «что одной норме нужно слепо следовать даже в тех случаях, когда ее применение неминуемо приведет к тяжелым, крайне неблагоприятным последствиям, ради определенности, простоты, единообразия и симметричности права» [13].

Если поставить вопрос, в каком виде применять право? В момент времени, предшествующему судебному процессу, или согласно настоящему времени – здесь нет проблемы с позиции формального выбора права. Безусловно, выбор сделан будет в пользу действующей редакции закона или акта. Вместе с тем, важным является возможность утраты определенных факторов, влияющих на итоговое судебное решение, которое может быть необъективным содержательно, тогда как формально оно будет приемлемым и законным, о чем и пишет М. Хэнкок и Я. Бакстер в отношении привязки *lex rei sitae* [12].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, практический вывод предполагает, что если коллизонная норма фиксирует момент, на который должно определяться обстоятельство, закрепленное в привязке коллизонной нормы, проблема мобильного конфликта не возникает. Поэтому актуальным для отечественной системы правового регулирования в области международного частного права является повышение функциональной роли принципа наиболее тесной связи, позволяющего указывать на применимое право при возникновении мобильного конфликта в отношениях, осложненных иностранным элементом, и выносить суду (арбитражу) решения *ad hoc*, исходя из конкретной коллизонной ситуации.

Теоретический вывод предполагает, что под интемпоральной группой индикаторов следует понимать существенное изменение элементов правоотношения, оказывающих косвенное влияние на определение применимого права, вызванное эндогенными и экзогенными изменениями позитивных и негативных условий нормообразующих факторов внутри структуры конкретного правоотношения.

Связующие факторы, локализованные во времени, могут иметь корреляционные свойства релевантности и валидности (относимости и особой значимости к конкретному составу трансграничного правоотношения), которые позволяют нам совершенно иначе взглянуть на принцип наиболее тесной связи и его возможности учета деталей, конкурирующих элементов правоотношения, с последующей четкой фокусировкой элементов, имеющих значения для разрешения трансграничного спора. Интемпоральность в основе метода наиболее тесной связи представляет собой особую модель анализа фактического состава

⁸ Корректирующая оговорка – функциональное условие, при котором право, к которому отсылает коллизонная норма, не применяется, когда из совокупности обстоятельств дела очевидно, что дело имеет с этим правом лишь незначительную связь и в то же время имеет гораздо более тесную связь с правом другого государства или его правовой системой.

правоотношения, позволяющую отыскать локализирующийся во времени связующий переходный фактор правоотношения, имеющий особую значимость при установлении, анализе и трактовке наиболее релевантного и валидного фактора в механизме решения коллизионного вопроса на основе принципа наиболее тесной связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hay, P. The Situs rule in European and American conflicts law: comparative notes / P. Hay // Legal essays in honor of John E. Cribbet / ed.: P. Hay, M. H. Hoeflich ; Univ. of Illinois. – Bloomington, 1988. – P. 109.
2. О кодексе международного частного права. ст. 87. §1 [Электронный ресурс] : Закон Бельгии, 16 июля 2004 г. // Федеральная государственная служба Бельгии. – Режим доступа: http://www.ejustice.just.fgov.be/cgi/loi/change_lg.pl?language=fr&la=F&table_na. – Дата доступа: 12.02.2020.
3. Rozas, J. C. F. Sobre el contenido del Derecho internacional privado / J. C. F. Rozas // Rev. Esp. de Derecho Intern. – 1986. – Vol. 38. – P. 69–108.
4. Ballesteros, M. H. New perspectives in Spanish legalpractice on the exercise of rights of access across international borders / M. H. Ballesteros // Yearbook of Private Intern. Law. – 2007. – Vol. 9. – P. 387–398.
5. Fan Xiaoliang. Comparative study on selected aspects of the latest private international law legislation across the Taiwan Straits / Fan Xiaoliang, Li Qingming // Frontiers of Law in China. – 2015. – Vol. 10. – P. 316–342.
6. Tu Guangjian. Private international law in China [Electronic resource] / Tu Guangjian // Springer Science, 2016. – Mode of access: <https://link.springer.com/content/pdf/bfm%3A978-981-287-993-6%2F1.pdf>. – Date of access: 23.02.2019. .
7. Гражданский кодекс Кабо-Верде [Электронный ресурс] : Ордонанс 30 сент. 1997 г., № 68-A/97 // World Intellectual Property Organization. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/en/text/202959>. – Дата доступа: 13.12.2020.
8. Об утверждении Гражданского кодекса Алжира [Электронный ресурс] : постановление 26 сент. 1975 г., № 75-58 // Высшая школа экономики. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/data/2015/10/28/1079745440/%D0%90%D0%BB%D0%B6%D0%B8%D1%80%20%D1%84%D1%80%D0%B0%D>. – Дата доступа: 13.12.2020.
9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 13.12.2020.
10. Mauri, G. The Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment and its Protocol on Matters Specific to Aircraft Equipment: a Belgian Perspective / G. Mauri, B. van. Itterbeek // Uniform Law Review. – 2004. – Vol. 9. – P. 549.
11. Pivavatnapanich, P. Choice of law in contract and thai private international law [Electronic resource] : a comparative study / P. Pivavatnapanich // Thailand law forum : law analysis and features on southeast Asia. – Mode of access: <http://thailawforu>. – Date of access : 23.02.2019.
12. Любарская, Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки / Т.С. Любарская // Закон. – 2016. – № 8. – С. 48.
13. Schwimann, M. Internationales Privatrecht : Einschliesslich Europarecht / M. Schwimann. – 3rd ed. – Wien : Manz, 2001. – 179 S.
14. Плеханов, В.В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.В. Плеханов. – М., 2008. – 185 л.
15. Mauri G., Itterbeek B. van. The Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment and its Protocol on Matters Specific to Aircraft Equipment: a Belgian Perspective // Uniform Law Review. 2004. Vol. 9. P. 549.
16. Unternehmensberatung, A. § 1 IPRG (IPR-Gesetz), Grundsatz der stärksten Beziehung [Electronic resource] // Jusline : Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/iprg/paragraf/1>. – Date of access: 18.08.2018.
17. Carruthers, J. M. The transfer of property in the conflict of laws: choice of law rules concerning inter vivos transfers of property / J. M. Carruthers. – Oxford : Univ. Press, 2005. – 347 p.
18. Venturini, G. C. Property / G. C. Venturini // International encyclopedia of comparative law : [in 43 vol.] / ed. K. Zweigert. – Leiden, 1976. – Vol. 3 : Mohr and Mouton, chap. 21. – P. 12.
19. Carter, P. B. Transnational trade in works of art: the position in english private international law / P. B. Carter ; Intern. Sales of Works of Art. – Geneva : Workshop, 1985. – [without spec. p.].
20. Закон Китайской Народной Республики о применении права к гражданско-правовым отношениям, выходящим за пределы одного государства [Электронный ресурс] : принят 28 окт. 2010 г. на 17 заседании Постоянного комитета 11 Национального Народного Конгресса . – Режим доступа: https://chinalaw.center/civil_law/china_international_private_law_2010_russian/. – Дата доступа: 18.08.2018.
21. Unternehmensberatung, A. Kommentar zum § 1 IPRG. Ulrike Christine Walter am 15.03.2012 [Electronic resource] // Jusline : Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/kommentare/456476624>. – Date of access: 27.08.2018.
22. Толстых, В.Л. Применение права страны с множественностью правовых систем в международном частном праве / В.Л. Толстых // Междунар. публ. и частное право. – 2003. – № 2. – С. 34–36.
23. Jessel-Esse, Ch. The Bulgarian private international law Code of 2005 / Ch. Jessel-Esse // Yb. of Priv. Intern. Law. – 2007. – Vol. 9. – P. 375–385.

24. Code de droit international privé [Electronic resource] : 27 du Nov. 1998 // Portail de la Justice en Tunisie. – URL : http://www.e-justice.tn/fileadmin/fichiers_site_francais/codes_juridiques/code_droit_intern_privé_fr.pdf. – Date of access : 23.02.2019.

Поступила 10.03.2020

**SOLVING THE JURISDICTIONAL ISSUE
OF INTEMPORALITY BASED ON THE PRINCIPLE OF CLOSEST CONNECTION
IN THE INTERNATIONAL PRIVATE LAW**

V. PAVLOVSKY

*In the paper on the basis of general scientific methods, legal modeling techniques, the author made an attempt to establish the interaction of the most significant factors of legal relations complicated by a foreign element in the time plane. An attempt is made to identify the most significant presumptions in relations with a foreign element in the spatio-temporal relationship model in the Anglo-Saxon and Roman-German legal cultures. Taking into account time-dependent factors in private international law implies a special model for analyzing the legal relationship, which allows finding the localizing factor in the space-time plane, taking into account the most significant factor in the group of elements of legal relations arising from cross-border relations. For this, the author uses the epistemological category of validity and relevance. Validity is relevance, relevance is the importance of specific elements (or groups) of conditions for analyzing the factual composition of the legal relationship when using flexible regulation to determine the applicable law in the absence of agreement between the parties to the dispute about the choice of law. The author proposed changes in the regulatory field of the Republic of Belarus, with an inherent increase in the methodological role of the principle of closest connection in resolving mobile conflict and implementing the binding conditions *lex rei sitae*. The conclusions made in this work can serve as a further platform for researchers of private international law in the field of conflict regulation of the Republic of Belarus.*

Keywords: *flexible regulation, the principle of the closest connection, retroactivity, essential interests of the legislator, public interest, relevance, temporality, the criterion of the closest connection, factors of legal relations, elements of legal relations.*